

ДУХОВНОЕ ХРИСТИАНСТВО И СЕКТАНТСТВО В РОССИИ

I.

Тип религиозной мысли, который условно может быть назван духовным христианством, имеет большое значение и занимает много места в русской народной жизни, но он совсем [уже] не может быть определен по чисто книжным источникам и по отдельным религиозным мыслителям. Это течение -- жизненное, а не литературное, и более народное, чем культурное. Много есть оттенков в этом течении, но можно все-таки открыть в нем характерный тип религиозной мысли и религиозного чувства жизни. Это религиозное движение упирается в самую гущу народной жизни, в сектантство, в народное искание Бога и божественной правды жизни. Это уход из культурной жизни, бегство от грехов цивилизации, искание божественной простоты. Это -- бродячая Русь, целиком поглощенная вопросами веры и праведной жизни. Русь странническая, взыскующая Града, отцепившаяся от России бытовой и от бытовой религиозности. К ней принадлежат не только люди из "народа", крестьяне, но из всех слоев русского общества, начиная с самого верхнего слоя, почувствовавшие невозможность дальше жить в неправде и безбожное ??? мировой жизни. Моральный пафос очень силен в этом типе духовной жизни, но моральная проблема берется тут не на поверхности личной и общественной жизни, а в религиозной глубине. Л. Толстой принадлежит к этому типу и оказал влияние на все это духовное движение. От огромной жизни Л. Толстого: всего пути его шли толчки и чувствовались в духовной жизни нашего народа. Разрыв Толстого с культурным обществом и его страстное искание божественной простоты жизни многими ощущались, как возврат к истокам природной и народной жизни, искаженной всем роковым процессом цивилизации; те, которые непосредственно чувствовали себя природными народными людьми, должны были сочувствовать Толстому и сознавать себя близкими ему. Не думаю, чтобы имело большое значение само учение Толстого, то, что можно назвать толстовством. Слабость [и плоскость] толстовской религии слишком легко открывается, и критиковать толстовскую доктрину уж слишком легко. Толстовство в узком смысле слова -- незначительное явление и совершенно несоизмеримое с величиной самого Толстого, с размерами его духовной жажды и его судьбы. Но огромно значение Толстого как явления духовной жизни, как пути и судьбы. Ведь и антипод Толстого Ницше есть прежде всего судьба, великое явление жизни, а не учение, не основатель школы. Есть искусство жизни, по значению своему превышающее всякое искусство мысли, искусство писательства. И искусство это совсем не в том, что люди проводят жизнь свои идеи. Это -- люди значительной и исключительной внутренней судьбы, а не люди практики и внешних достижений. Но течение, которое хотелось бы характеризовать, принимает все более и более мистическую окраску. Толстовский и сектантский рационализм побеждается иным духом. В центре такого религиозного жизненного течения стоит образ Александра Добролюбова. Добролюбовское направление иногда называют мистическим толстовством. Определение это слишком внешнее. Но несомненно А. Добролюбов, в отличие от Толстого, -- мистик, и он, подобно Толстому, бежит от культуры, от неправды современного общества к простой жизни, к природе и к народу. В отличие от Толстого, у Добролюбова нет учения, доктрины, нет никакой религиозной философии. В этом, быть может, его преимущество. Добролюбов есть прежде всего жизненная судьба, жизненный путь, Явление русской духовной жизни. Он убежал от культуры и убежал от всяких книг, от всякого писательства. Толстой до конца дней своих остался писателем, учителем, человеком книги. Да и настоящий "уход" Толстого совершился лишь перед самой его смертью. Уже после того, что совершился внутренний, духовный "уход" его, он все еще бесконечно долго продолжал жить в семье своей, в имении своем, не имел силы порвать нити прошлого. Добролюбов ушел более радикально и опростился более последовательно. Известно даже, что жизнь Добролюбова была укором для Толстого, и встречи с ним обостряли в нем мучительную потребность окончательного ухода. Но нужно помнить, что Добролюбову легче было отказаться от книги, от писательства, от учительства, чем Толстому. Слишком огромно было все то, от чего Толстому нужно было отказаться и уйти. Добролюбов был более свободным человеком, за ним было лишь остро пережитое декадентство, не породившее ничего литературно-значительного, лишь опыты сатанизма в модернистском стиле, лишь убийственная тоска последних слов упадочной культуры. Он не познал ни великой славы, ни богатства, ни пафоса родовой семьи, ни сладостной привязанности к имени своему. Очень отяжелен, перегружен был Толстой, и по сравнению с ним был легок, летуч Добролюбов. В